

АПТЕМ САБЕНКОВ

Fig. 5. Parts of 12-30 caliber pistol in 8 inch Magazine or 8 inch gallery.

Fig. 6. Diagram of mechanism of 12-30 caliber pistol in 8 inch Magazine or 8 inch gallery.
1 - 12-30 caliber, 2 - Magazine with 8 inch gallery, 3 - Magazine with 8 inch gallery, 4 - Magazine with 8 inch gallery, 5 - Magazine with 8 inch gallery, 6 - Magazine with 8 inch gallery, 7 - Magazine with 8 inch gallery, 8 - Magazine with 8 inch gallery, 9 - Magazine with 8 inch gallery, 10 - Magazine with 8 inch gallery, 11 - Magazine with 8 inch gallery, 12 - Magazine with 8 inch gallery.

Убен

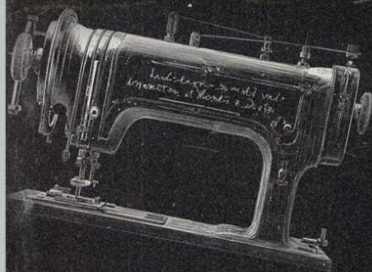

Fig. 7. Diagram of mechanism of 12-30 caliber pistol in 8 inch Magazine or 8 inch gallery.

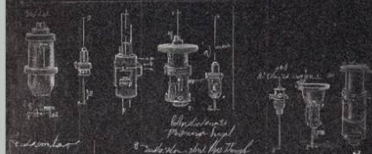

Fig. 8. Diagram of mechanism of 12-30 caliber pistol in 8 inch Magazine or 8 inch gallery.

Fig. 9. Diagram of mechanism of 12-30 caliber pistol in 8 inch Magazine or 8 inch gallery.

Fig. 10. Diagram of mechanism of 12-30 caliber pistol in 8 inch Magazine or 8 inch gallery.

Fig. 11. Diagram of mechanism of 12-30 caliber pistol in 8 inch Magazine or 8 inch gallery.

Fig. 12. Diagram of mechanism of 12-30 caliber pistol in 8 inch Magazine or 8 inch gallery.

Fig. 13. Diagram of mechanism of 12-30 caliber pistol in 8 inch Magazine or 8 inch gallery.

Fig. 14. Diagram of mechanism of 12-30 caliber pistol in 8 inch Magazine or 8 inch gallery.

Fig. 15. Diagram of mechanism of 12-30 caliber pistol in 8 inch Magazine or 8 inch gallery.

Артем Савенков

Швей

<https://litres.ru/74635163>

SelfPub; 2026

Аннотация

Том отбыл наказание и вышел на свободу. Только младший брат по-прежнему боится его - человека, который когда-то спас ему жизнь.

В колонии бывший полицейский научился шить. Теперь он открывает мастерскую «Швей», возвращает любовь, зарабатывает первые деньги и понемногу привыкает думать о будущем. Но однажды метка на старой ткани приводит его к людям, связанным с преступлением, разрушившим его семью. Помощь оборачивается зависимостью, доверие - предательством, а дело, в которое вложено всё, оказывается под угрозой.

Том уверен, что должен добиться правды. Однако чем ближе он подходит к ней, тем труднее скрывать собственную вину за чужими преступлениями.

Ему предстоит пережить новое падение и встретиться с человеком, имеющим все основания его ненавидеть. И тогда выяснится, чему он научился за годы потерь: снова побеждать - или наконец отвечать за то, что сделал.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	33
Часть вторая	36
Глава 11	37
Глава 12	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Артем Савенков

Швей

Артем Савенков

Швей

Повесть

2026

Артем Савенков

Швей

Том выходит на свободу после шести лет заключения. Бывший полицейский умеет теперь шить, располагает деньгами для нового дела и надеется вернуть доверие младшего брата. Но даже в собственной мастерской прошлое не оставляет его в покое. Случайная маркировка на рулоне ткани приводит к людям, связанным с давней трагедией. Чтобы добраться до правды, Тому придётся поставить под угрозу всё, что он успел построить, и признать то, чего он годами не хотел знать о себе.

Все персонажи и события вымышлены. Совпадения с реальными людьми и организациями случайны.

© Артем Савенков, текст, 2026

Часть первая

Красная нить

Глава 1

Человек без пальто

В первый вечер на свободе я купил пальто, которое мне не подходило.

Продавщица уверяла, что дело в привычке: после однообразной одежды к хорошей вещи надо привыкнуть. Откуда она знала про одинаковую одежду, я не спросил. Вероятно, увидела короткую стрижку, бумажный пакет вместо сумки и то, как я стою: отступив от прилавка ровно настолько, чтобы никому не мешать.

Пальто тянуло под мышками. Стоило поднять руку - воротник упирался в затылок. В цехе за такую работу мне молча вывернули бы подкладку, показывая ошибку. Однако я заплатил. Мне хотелось обладать вещью, которую можно испортить по собственной воле.

На улице начиналась оттепель. Между домами лежал бурый снег, голые тополя чернели над ним перепутанными ветвями. Из пекарни тянуло горячим тестом. Я остановился у пекарни и долго смотрел, как женщина за стеклом ссыпает муку в металлическую чашу. Она работала без перерыва; ей, вероятно, хотелось домой. Я завидовал тому, как спокойно она поглядывала на часы.

Мать умерла за одиннадцать месяцев до моего освобождения.

дения. После похорон брат переехал к нашей тётке Тамаре. Мы переписывались через адвоката, хотя никаких юридических дел между нами не было. Брату скоро исполнялось двенадцать. Он не хотел со мной разговаривать.

В гостиничном номере пахло нагретым пластиком. На подушке лежала конфета, на столе стояла вода. Я обошёл комнату, проверил замок, присел на кровать. Матрас прогнулся, и мне стало страшно: тело не находило привычной опоры.

Телефон я купил утром. За годы моего отсутствия телефон оброс десятками новых возможностей. Разобраться, какие нужны мне, оказалось труднее, чем его купить. В конце концов я нашёл номер Васи.

- Добрался? - спросил он.

- Купил пальто.

- Я спросил не это.

- Да. Нормально.

Мы помолчали. За стеной человек кашлянул, открыл воду. Я невольно прислушался к шагам в коридоре.

- Ты там не отсчитывай, - сказал Вася.

- Что?

- До отбоя. У тебя его больше нет.

Мне хотелось ответить грубо, но он говорил без насмешки.

- Завтра поедешь к Серёге?

- Он просил не приезжать.

- Тогда не приезжай.

- Ему всего одиннадцать.

- И он уже имеет право тебя не хотеть. Не отнимай у него ещё и это.

Я положил пальто на спинку стула. Подкладка у правого кармана была прихвачена кривыми стежками. Нитка торчала, короткая, красная. Я потянул её двумя пальцами и внезапно оказался в другом декабре: ещё до приговора, до швейного цеха, до того, как научился бояться собственного имени.

Тогда красная нить лежала на снегу.

Я даже не наклонился её поднять.

Глава 2

Передача состоялась

Двадцать девятого декабря мы с Егором сидели напротив аптеки и ждали покупателя.

В салоне было душно, стёкла потели. Егор тёр пальцем маленький прозрачный круг на лобовом стекле. За ним виднелась праздничная ёлка на площади: косая, с гирляндой только на одной стороне. Муниципальные работники нарядили ту сторону, откуда должна была снимать местная телекомпания.

- Дети довольны, - сказал Егор.

- Телевизор тоже.

Он усмехнулся. Мы работали вместе третий год и иногда обходились половиной фразы. Мне казалось, это и есть дружба.

Аптеку проверяли после двух контрольных мероприятий, но у меня всё равно оставалось чувство, что нас ведут слишком прямо. Заявитель называл время с точностью до минуты, сотрудник за прилавком не менял привычек. Начальство любило такие дела: понятные, красивые, с заранее известным концом. Я тогда тоже любил.

- Кинолог готов? - спросил я.

- Все готовы. Кроме тебя.

Егор посмотрел на пустую кобуру. Я оставил пистолет в сейфе. Группа задержания была вооружена, наши задачи сводились к сопровождению и оформлению. Сейчас я могу подобрать этому решению разумное объяснение. Тогда мне просто не хотелось тащить лишнюю тяжесть.

От детского сада к площади шли родители с бумажными коронами и пакетами. Там проходил утренник. Мой брат Серёжа должен был изображать лесного гнома. Мать всю ночь пришивала к его курточке зелёные треугольники, потому что готовый костюм стоил дорого, а Серёжа отказался быть зайцем.

Он был поздним ребёнком. Когда мне исполнилось двадцать восемь, ему едва стукнуло пять. Мать у нас была одна, отцы - разные. В жизни это означало, что я умел завязывать ему шнурки и не умел приходить вовремя.

Возле ёлки остановились двое. Один - в красной куртке, другой - в тёмной. Они вытащили что-то из большого мешка. Я услышал короткий вскрик. Оглянулся.

- Украшения, - сказал Егор. - Посмотри, у них машина с эмблемой. Те, что на праздники приезжают.

На белой дверце был нарисован домик и написано «Тёплый берег». Этот благотворительный фонд недавно оплатил ремонт в детской поликлинике. Я видел фотографию его директора с губернатором.

Рация ожила:

- Передача состоялась.

Я приказал начинать.

Потом всё шло быстро. Дверь, поваленный стул, чей-то сорвавшийся крик. Молодой фармацевт в очках лёг на пол прежде, чем его успели коснуться. Очки соскочили, он потянулся к ним, и Егор наступил рядом, заставив убрать руку. В задней комнате нашли упаковки, деньги, второй телефон. Он сказал, что работает здесь третий день.

- Все у вас третий день, - ответил я.

Егор поднял его за ворот. Мне не понравилось, как резко мотнулась у парня голова, но я отвернулся к шкафу.

Позже я много думал о том, что именно сделал в эту минуту. Не остановил? Не заметил? Есть слова, позволяющие незаметно отойти от собственного поступка на несколько шагов. Правильное слово было проще: разрешил.

Телефон зазвонил, когда мы уже оформляли изъятие.

- Из тридцать четвёртого сада пропали четверо, - сказал начальник. - Проверьте площадь. Не разъезжаться.

Я позвонил матери. Она не отвечала.

Егор вышел следом за мной.

- Том, погоди.

Но я уже бежал к ёлке.

Глава 3

Гном

Сначала я увидел ботинок.

Он торчал из-под серебристой мишуры, маленький, с липучкой и серой полоской на подошве. Второй ребёнок лежал рядом, боком, словно его осторожно положили спать. На щеке у него отпечаталась сетка от мешка.

Я не запомнил, кого позвал. Помню, что кто-то долго и ненужно спрашивал про скорую, хотя следовало уже звонить. У обоих мальчиков прощупывался пульс. Позднее врач объяснил, что их одурманили и бросили на морозе. Оба выжили. Одному понадобились месяцы лечения.

У Серёжи были другие ботинки.

Я повторял это про себя, помогая переносить детей. Два маленьких тела, два чужих ботинка. Моего брата здесь не было, и от этого облегчения мне потом становилось стыдно.

На снегу остался обрывок красной нитки. Я наступил на него, перенося ребёнка, и даже не подумал наклониться.

Под ёлкой нашли рабочую перчатку. Я успел поднять её голой рукой прежде, чем подошёл кинолог. Его звали Антон Гринёв. Он посмотрел на меня без одобрения, взял чистый пакет у коллеги и попросил отойти.

- Вы след уничтожаете.

- Возьми другой.
- Товарищ старший лейтенант...
- Ещё двое где-то. Возьми след.

Его собака была обучена искать людей. На аптечной операции Антон ждал возможного преследования. Теперь искать предстояло совсем других людей. Пёс долго кружил у ограждения, потом потянул к дворам. Я сообщил дежурному направление и пошёл за ними.

Мать наконец ответила. В трубке раздался чужой кашель, потом её голос:

- Томочка, ты где?

По этому «Томочка» я понял, что случилось самое худшее. Она так называла меня только в детстве, когда я болел.

- Серёжу нашли? - спросил я, хотя знал ответ.
- Там сказали, вы ищите.

Я не пообещал ей ничего. Просто отключился, потому что не мог идти и слушать её дыхание одновременно.

Дом оказался недалеко. Старая девятиэтажка с облупленной плиткой у входа. На лавочке сидели женщины, у одной на коленях лежал хлеб в прозрачном пакете. Она рассказала про Степана на пятом этаже. Сказала, что у него сегодня плачут дети, а своих нет.

Мы проверили квартиру этажом ниже: плачущий младенец, растерянные родители, телевизор с новогодним концертом. Я вошёл слишком быстро, не дождавшись разрешения. На белом коврикe остались мои мокрые следы. Уже подни-

маясь дальше, я услышал, как женщина за дверью сказала мужу: «А вдруг он не полицейский?»

Антон сообщил адрес дежурному. Подкрепление шло.

Из квартиры наверху донёсся глухой удар и короткий звук, от которого у меня всё похолодело. Я постучал. Назвался.

Человек за дверью выругался. Щёлкнул замок, в щели показалось лицо. Он увидел форму, попытался закрыть. Я удержал дверь плечом. Антон вошёл следом.

Потом в материалах дела подробно описали прихожую, шприцы на кухне, состояние мебели. В памяти всё это осталось мутным пятном. Чётко я помнил только Серёжу: зелёный треугольник на груди, скотч на запястьях, приоткрытый рот. Он смотрел на меня так, будто я был ещё одним незнакомым взрослым, от которого неизвестно чего ждать.

Над вторым ребёнком склонился мужчина. Одной рукой он прижимал мальчика к матрасу, другой тянулся к рулону скотча.

Дальше начиналось то, за что я ответил.

Глава 4

После тишины

Человек лежал на полу. Я продолжал бить его, хотя он больше не двигался.

Антон удерживал меня за плечи. Я оттолкнул его, ударил локтем, даже не посмотрев куда. Степан бросился ко мне - вероятно, защищая приятеля, а может, пытаюсь выбраться. Я повернулся к нему.

Мне хотелось бы сказать, что в ту минуту ничего не понимал. Это было бы неправдой. Я понимал, что передо мной люди; понимал, что могу остановиться. Просто там, где раньше находилось решение, осталась одна мысль: они успели сделать это, пока я сидел напротив и смотрел.

Когда приехала группа, Антон уже вывел детей. Он пытался оказать помощь первому мужчине, потом второму. Я стоял у раковины и не мог открыть кран. Руки распухли, пальцы плохо сгибались. Звуки доносились словно из соседнего помещения.

Серёжа сидел на лестничной площадке в куртке незнакомого полицейского. Я пошёл к нему, но он закричал.

Остановился я сразу.

Потом я часто вспоминал этот крик, особенно когда кто-нибудь называл меня спасителем.

В больнице ко мне пришёл Егор. На груди у него висел картонный пропуск посетителя.

- Оба умерли, - сказал он.

Я кивнул.

- Ты понимаешь, что будет?

- Где Серёжа?

- В детской областной. С ним мать. Всё, что можно, врачи делают.

Я спросил про белую машину. Егор подвинул стул.

- Какую ещё машину?

- У площади. Ты сам сказал: фонд.

Он посмотрел на забинтованные руки.

- Сейчас тебе надо думать про адвоката.

Я попробовал вспомнить номер. В памяти остались синий домик, грязь на нижней кромке дверцы, шнурок, болтавшийся на красном мешке. Номер я не посмотрел.

- А двое у ёлки?

- Том. Не начинай искать оправдания там, где их нет.

Он был прав в самом важном. Это помогло ему уйти от остального.

Вскоре изъяли мою одежду, взяли объяснение, предъявили обвинение. Адвокат, женщина с тихим голосом и тяжёлым портфелем, попросила рассказывать только то, что я помню. Я рассказал про детей, про крик, про удары. Она остановила меня:

- Вы сейчас рассказываете так, чтобы я вас пожалела. Мне

нужны действия по порядку.

Её звали Ирина Викторовна Лебедева. Через несколько лет я позвоню ей по другому делу, и она скажет почти то же самое.

Мать пришла на свидание с маленькой фотографией Серёжи. На снимке, сделанном до утренника, он держал бумажную звезду. Она положила фото передо мной и долго разглаживала уголок.

- Он спрашивает, почему ты весь в крови был.

- Скажи...

Я не нашёл продолжения.

- Я ему не лгу, - сказала мать. - Больше не буду.

У неё на пальце чернела нитка. В ночь перед утренником она пришивала к костюму зелёные треугольники. Нитка забила под кольцо.

Глава 5

Приговор

Суд длился достаточно долго, чтобы я перестал ждать от него объяснения собственной жизни.

На первом заседании я узнал фамилию Степана: Кирев. До этого для меня существовали только лицо в дверях и квартира. Человеческая жизнь возвращалась на бумаге целиком, даже когда я не хотел на неё смотреть.

После одного из заседаний я видел в коридоре женщину с мальчиком лет десяти. Она держала его за ворот куртки, чтобы не подошёл ко мне. Мальчик смотрел прямо и молча. Я отвернулся прежде, чем понял, чья это семья. Потом убедил себя, что это не имело отношения к главному.

Вначале я следил за каждым словом. Потом начал узнавать места, где чужое предложение подменяет мой поступок. «При исполнении». «В условиях психотравмирующей ситуации». «Совершил». «Прекратил». Последнее было неверно: сам я не остановился.

Дело о похищении расследовали отдельно. Из четверых детей двое оказались в квартире, двое - у ёлки. Живых подозреваемых не осталось. Следствие проверяло связи погибших, но до суда никто больше не дошёл. В газете написали о прекращённом канале сбыта наркотиков и разоблачённых

похитителях. Из двух разных историй получилась одна удобная.

Я рассказывал про фонд. Мне показали журналы выездов: бригада «Тёплого берега» в тот день работала в другом районе. Машины похожи, сказали мне. На праздники их нанимают десятками. Показания Егора были сдержанными: видел работников у ёлки, ничего подозрительного не заметил.

Антон подтвердил почти всё, что сделал я. Не смягчил и не добавил. Особенно подробно отвечал на вопросы о моменте, когда опасность для детей уже была устранена.

В перерыве я сказал ему:

- Ты мог бы иначе.

Он долго смотрел на меня.

- А ты?

Больше мы не говорили.

Суд не принял ни версию о заранее обдуманной расправе, ни попытки представить случившееся обычным задержанием. Квалификацию в приговоре Ирина объясняла мне несколько раз. Я запомнил срок: шесть лет лишения свободы. Лишение звания. Запрет на определённую работу после освобождения. Всё остальное меркло рядом с тем, как мать поднялась со скамьи, держась за чужой локоть.

Моя невеста Нина прислала письмо. Она писала, что дождётся. Я ответил жестоко, намеренно, с тем тупым усердием, с каким люди крушат то, чего не могут удержать. Назвал наши отношения ошибкой. Велел не приезжать. Объяснил

себе, что спасаю её жизнь.

Годы спустя она скажет:

- Ты даже это решил за меня.

Но тогда я был уверен в своём благородстве.

Перед этапом мне разрешили короткий разговор с матерью. Она держалась спокойно, спрашивала про бельё, очки, зубы. Я отвечал так же, пока между нами не закончились бытовые вопросы.

- Серёжа просит больше не присылать ту фотографию, - сказала она.

- Почему?

- Там он в костюме.

Я хотел попросить её снять костюм, распороть, выбросить. Но Серёжа уже вырос из него. Только я всё ещё видел зелёный треугольник и не мог отвести глаз.

Глава 6

Учиться сидеть

Колония для бывших сотрудников находилась у небольшого промышленного города. Из окна цеха были видны трубы остановленного завода. Зимой над ними вставал одинокий дымок: кто-то устроил котельную в той части, которая ещё работала.

На первом построении я искал знакомые лица. Привычка к ведомству долго не отпускала: хотелось понять, кто здесь чей, у кого какое звание, кто за что отвечает. Через неделю я знал достаточно, чтобы перестать спрашивать. Превенная служба не объясняла человека. По ней можно было догадаться разве что о его привычках.

Мои руки срослись плохо. Два пальца сгибались не до конца, в сырость ныли суставы. Врач выписал упражнения. Я занимался, когда никто не смотрел, словно восстанавливал что-то постыдное.

На мельницу меня не взяли. В столярной не было мест. В швейном цехе требовались люди на простые операции, и мастер, пожилая вольнонаёмная женщина, спросила, умею ли я держать ножницы.

- Раньше умел.
- Здесь выясним.

Её звали Зоя Павловна. Она не спрашивала, за что я сижу. Принесла полоску ткани, показала строчку и велела повторить. Я держал материал двумя руками, как чужой документ, который нельзя испортить. Игла ушла в сторону, нитка запуталась снизу.

- Давить не надо, - сказала она.

- Я не давлю.

Она остановила машину, подняла лапку, развернула ткань.

- Посмотрите на пальцы.

Они побелели.

Я расслабил руки.

Перед обедом в цех вошёл человек с папкой и объявил, что нужны добровольцы на другую работу. Он говорил негромко, а я по старой привычке выпрямился, готовый отчитаться. Зоя Павловна даже не обернулась. Подняла руку, показывая, что сейчас отвлечься не может.

Человек подождал. Потом спросил, не глухие ли мы.

- Игла сломается, если сейчас отвлечь, - сказала она.

Мне захотелось увидеть в её спокойствии вызов, защиту, что-нибудь значительное. Но она действительно дошивала трудное место. Закончив, отключила машину и спросила, сколько человек требуется.

Двое подняли руки. Меня не взяли: нужно было разгрузить тяжёлое, кисти ещё не позволяли. Я сел обратно с таким облегчением, будто меня помиловали.

- Вы тут всегда? - спросил я мастера.

- По сменам.

- Я не про это. Давно работаете?

Она назвала год. Выходило, почти вся моя взрослая жизнь прошла за пределами этого цеха, пока она каждое утро приезжала сюда автобусом и учила людей держать ткань.

- И как вы их терпите?

- Пока шьют - обычно терпимо.

Она подала мне коробку. Клапаны лежали вперемешку, хорошие и плохие.

- Сначала отделите те, которые не нужно трогать.

Я отбирал медленно. Дважды ошибся, и она оба раза попросила посмотреть с изнанки. Мне было стыдно из-за такой простой задачи. Я привык думать, что умею находить скрытое, различать правильное и неправильное. Теперь не мог отличить годную деталь от испорченной.

Зоя Павловна не торопила. В какой-то момент я понял, что она будет стоять рядом ровно столько, сколько потребуется, и не расскажет потом никому, как долго до меня доходило.

Это спокойствие я запомнил на всю жизнь.

В тот день мне дали распорку, ножницы и коробку плохо пришитых клапанов. Я работал до конца смены. Приходилось часами исправлять то, что кто-то испортил за несколько минут. К вечеру я понял, почему эту работу оставляли новичкам. К вечеру злость на чужую небрежность сменилась

усталой внимательностью.

За соседней машиной сидел лысый мужчина с узким лицом. Он пододвинул ко мне кружку.

- Не пей, пока не спросишь, что внутри, - сказал он.

Я отставил кружку.

- Теперь спроси.

- Что внутри?

- Вода. Привыкай проверять.

Так я познакомился с Васей.

В тот вечер, лёжа на верхнем месте, я долго разжимал правую руку. Впервые за много месяцев мне хотелось, чтобы завтра она работала лучше. Не для драки, не для подписи, не для того, чтобы удержать кого-нибудь за ворот.

Требовалось ровно провести иглу по четырём сантиметрам ткани.

Это была задача, с которой можно было справиться.

Глава 7

Вася считает время

Вася не походил на человека, который собирается когда-нибудь выйти.

Он аккуратно заправлял постель, чинил очки, читал старые учебники по электротехнике. У него всё имело отведённое место, кроме будущего. О будущем он говорил в числах.

До ареста он служил в техническом подразделении, потом ушёл в частную компанию. Его осудили за участие в сбыте наркотиков: следствие связало серверы и платежи с сетью, которую он обслуживал. Он признавал, что понимал назначение работы. Отрицал, что знал, кому именно помогал. Мне эта разница сначала казалась удобной.

- Все здесь чего-нибудь не знали, - сказал я.

- Это правда, - ответил Вася. - Вопрос, до какого дня.

Он не просил верить ему. От этого верить было труднее.

Однажды я пожаловался, что после удержаний на лицевом счёте остаются копейки. Вася взял клочок бумаги и нарисовал шесть клеток.

- Это твои годы. Не деньги. Годы. Если ты каждый месяц смотришь только на остаток, они становятся одинаковыми.

- Предлагаешь не смотреть?

- Предлагаю научиться делать что-то, что останется с то-

бой.

Я показал на машину.

- Уже.

Он кивнул и забрал бумажку. Разговора о быстром богатстве тогда не было.

Про цифровые монеты мы заговорили гораздо позже. Вася видел их инструментом, я - потайным ходом. Разница обнаружилась не сразу. Он объяснял риски, говорил о деньгах, которые можно потерять. Я слышал только то, что некоторые люди за несколько лет меняли жизнь.

В колонии я не мог сам распоряжаться торговым счётом. Снаружи этим занялась мать. Я переводил ей деньги, она покупала монеты и сохраняла все подтверждения. Сначала она отказалась. Потом согласилась на маленькую сумму. Каждый раз присылала бумажный расчёт, как будто вела семейную бухгалтерию.

«На лекарства не трогаю», - писала она.

Я раздражался. Теперь понимаю, что эта строка была самым разумным из всех наших вложений.

В первый раз курс рухнул почти наполовину. Я ходил злой, плохо работал и однажды заявил Васе, что он меня обманул.

Он молча принёс мои первые клапаны. Зоя Павловна сохранила их для обучения.

- Обманул бы, если бы обещал, - сказал он. - Я ничего тебе не обещал.

Я хотел швырнуть клапан, но не швырнул. Сел и распорол шов.

Через неделю написал матери, чтобы она перестала покупать, пока я не разберусь сам.

Мне было тридцать. Я только начинал узнавать, как звучит слово «хватит», произнесённое собственным голосом.

Глава 8

Изнанка

Работа стала получаться на второй зиме.

Не вдруг: в один вторник я заметил, что больше не смотрю на иглу. Смотрю на место, куда должна прийти ткань. Руки, прежде неповоротливые, начали слушаться. Правый безымянный палец оставался кривым, но перестал мешать.

Мы шили рабочие куртки. Одинаковые карманы, одинаковые воротники, серый материал, пахнувший складской пылью. Я полюбил час перед обедом, когда шум машин становился ровным и казалось, что за стенами ничего нет. Это было плохое, но необходимое утешение.

Зоя Павловна принесла старый пиджак.

- От мужа остался, - сказала она. - Хочу сыну отдать, да велик. Попробуйте убрать по спине.

- Я испорчу.

- Значит, распустите и сделаете заново.

Пиджак лежал передо мной, вытертый на локтях. Во внутреннем кармане нашёлся театральный билет. В прежней жизни я даже не посмотрел бы на него. Теперь в нём помещался неизвестный мужчина: привычка держать руки в карманах, чуть опущенное правое плечо, осыпавшийся мел возле внутреннего шва.

Я работал после смены с разрешения мастера. Первая переделка оказалась неудачной. Во второй раз спина легла ровно, но заломило пройму. Я хотел отказаться. Зоя Павловна забрала иголку у меня из пальцев:

- Сегодня всё. Устали - начнёте мстить вещи.

На следующий день я закончил.

Позже она принесла яблоки и старую фотографию мужа в этом пиджаке. Он стоял на веранде, прищурившись от солнца. Снимок был летний, хотя стоял февраль: оказывается, она хранила пиджак несколько лет и всё собиралась кому-нибудь отдать.

- Он умер? - спросил я.

- Давно.

Я не знал, куда деть руки.

- Не надо сейчас ничего говорить, - сказала она. - Вы хорошо сделали.

В тот вечер я впервые захотел написать Нине без жалости к себе. Написал два листа, перечитал и порвал. Даже извинения у меня выходили с расчётом получить ответ.

Мать сообщила, что Серёжа научился кататься на велосипеде. К письму приложила маленький рисунок: дом, дерево, человек с круглой головой. Я спросил, он ли нарисовал. Она ответила через две недели: нет, это рисовала девочка из соседней квартиры; Серёжа ничего не передавал.

Я держал эти два письма рядом.

Впервые мать перестала защищать меня даже от того, что

я мог придумать сам.

Глава 9

Деньги на бумаге

К концу четвёртого года у меня было тридцать две единицы одной монеты и несколько сотен другой. Цифры менялись от письма к письму, хотя сами монеты оставались теми же. В самый удачный месяц расчёт показывал больше двадцати трёх миллионов рублей.

Я тогда провёл пальцем по каждой цифре. Столько стоил приличный дом вместе с жизнью, которая, как мне казалось, полагалась к нему бесплатно.

Мать отказалась продавать всё сразу без моего письменного согласия. Вася советовал зафиксировать часть. Я говорил, что рано. Через месяц сумма уменьшилась, ещё через два — уменьшилась снова. Деньги делали со мной то, чего не смогла колония: заставляли думать исключительно о себе.

Однажды пришёл конверт от матери. На листе был расчёт и приписка: «Сегодня Серёжа сам сходил за хлебом. В первый раз». Я посмотрел на курс, сложил письмо. Только вечером вернулся к этой строке.

Брату было десять. Почти пять лет он боялся выйти из дома один.

Я написал матери распоряжение продать значительную часть. Потом долго ходил по цеху, словно меня обокрали.

Вася никак не комментировал. На следующий день он принёс из библиотеки старую книгу по конструированию одежды, в которой не хватало половины страниц.

- Ты хотел начать с мужских пиджаков. Здесь достаточно, чтобы понять, сколько ещё учиться.

К освобождению после расходов и потерь оставалось около девяти миллионов. Подтверждения переводов и покупок потом заняли у бухгалтера целую папку. Остаток монет я продал постепенно уже сам. Моё богатство оказалось достаточно большим, чтобы сделать ошибки, и недостаточным, чтобы их не замечать.

Мать умерла внезапно. Утром собиралась на работу, к вечеру её не стало. Мне не разрешили приехать на похороны. Я не знал, кто покупал гроб, кто относил Серёже еду, кто выбрал фотографию. Всем занималась её сестра Тамара.

Мне прислали перечень вещей и справку. Среди вещей значилась швейная машинка. Старая, ножная, на чугунной станине. Я не видел её много лет и был уверен, что мать продала.

Ночью я попытался представить квартиру без неё: стол, светлая клеёнка, хлеб под полотенцем. Серёжа спит за стеной. Никто не проверяет, взял ли он вареники.

Я вдруг понял, что больше никогда не смогу написать письмо домой.

Письма ещё могли дойти до квартиры. До неё - уже нет.

Глава 10

За дверью

На третий день после освобождения я приехал к Тамаре.

Позвонил заранее. Она согласилась встретиться во дворе и предупредила, что Серёжа не выйдет. Я сказал, что понимаю, хотя всё ещё надеялся увидеть его в окне.

Тётка постарела больше, чем ожидал. Раньше она громко смеялась, трясла браслетами, называла меня «служивый». Теперь стояла у подъезда в стёганой куртке и держала пакет обеими руками.

- Здесь мамины бумаги. Остальное потом заберёшь.

Я спросил, как он учится.

- Математику любит. Остальное по настроению.

- Велосипед ещё есть?

- Есть. Мал уже.

Я предложил купить новый. Тамара поджала губы.

- Деньги на ребёнка можешь переводить. Доступ к нему я не продаю.

Мне захотелось объяснить, что она неправильно поняла. Но объяснения у меня всегда появлялись раньше, чем способность услышать.

Мы поднялись в квартиру. Серёжа находился в комнате, дверь была закрыта. Из-за неё доносился тихий гул компью-

тера. На вешалке висела его куртка с отражающими полосками, у порога стояли большие кроссовки. Я почему-то был не готов к этим размерам.

- Серёж, - сказал я. - Я здесь.

Ничего.

Тамара ушла на кухню и включила воду. Я присел на табурет, чтобы не говорить сверху вниз даже сквозь дверь.

- Могу оставить телефон. Если захочешь...

- У меня есть твой номер, - ответил он.

Голос оказался ниже, чем я помнил.

- Хорошо.

- Ты можешь уйти?

Я сидел ещё несколько секунд. Потом встал.

В пакете лежали квитанции, паспорт матери с отрезанным уголком, письмо банка, мой школьный аттестат. На самом дне - конверт с моей фамилией. Почерк её был неровный, будто она писала в автобусе.

«Том, не вздумай благодарить меня за эти деньги. Ты их заработал своей работой и своим риском. Но если станешь человеком только потому, что теперь можешь что-то купить, значит, мы зря столько считали».

Ниже шла обычная просьба: купить Серёже зимние ботинки, он быстро растёт. Письмо было старое. Она не успела отправить его до больницы.

Я шёл к остановке, прижимая пакет к боку. Снег таял в колеях, машины забрызгивали прохожих. Какой-то мальчик

обогнал меня, перепрыгнул лужу и чуть не упал. Мать поймала его за капюшон, выругала и тут же рассмеялась.

В гостинице я взял ножницы и распустил неподходящее пальто.

Часть вторая

Припуск на свободу

Глава 11

Нижний этаж

Идею мастерской Вася высказал по телефону, когда я рассказал, что третий вечер пью в номере.

- Ты всё время говоришь, что тебя никуда не возьмут. А ты уже спрашивал?

- Спросят про судимость.

- Конечно, спросят. Ты ведь сам начнёшь с неё.

Мы поругались. Потом он велел найти помещение, где мне хотелось бы провести восемь часов трезвым, и перезвонить.

Я нашёл его через неделю. Нижний этаж бывшего проектного института, три окна в переулок, отдельный вход с двумя ступенями. Над дверью остался светлый прямоугольный след вывески. Здесь когда-то ремонтировали обувь, потом продавали телефоны. Под обоями проступали номера кабинетов.

Хозяин спросил, что я собираюсь открыть.

- Швейную мастерскую.

- Жена будет работать?

- Я.

Он оглядел мои плечи и не стал скрывать сомнения.

Я вернулся на следующий день с Ириной Лебедевой. Уди-

вился, как легко она согласилась посмотреть договор. Она прочитала его, задала хозяину три вопроса и нашла два пункта, по которым меня можно было выселить без существенных потерь для него.

- Обычный шаблон, - оправдывался он.

- Обычная возможность его исправить, - сказала она.

Выйдя, я спросил, сколько должен.

- За это - по счёту. За другое тоже буду брать. Привыкайте.

Мне понравилось, что она не оказывает милость.

Первую стену я красил сам. Купил слишком светлую краску, потом добавил колер и получил цвет больничного коридора. Стоял с валиком перед пятном и никак не мог решить, смириться или покупать заново.

В помещение заглянул сосед, ремонтировавший телефоны. Молодой, в растянутой футболке, с отвёрткой за ухом. Спросил, когда открываемся. Я сказал, что пока неизвестно.

- Значит, могу помочь. У меня сегодня ни одного клиента.

Он взял второй валик. Работал не лучше меня, но через час мы покрыли стену ровным слоем.

- Ты не боишься, что я денег не дам? - спросил я.

Он пожал плечами:

- Ты же меня не нанимал. Сам пришёл.

Его звали Дима. Он учился в техникуме, после смерти отца остался с младшей сестрой и чинил телефоны, потому что умел, а диплом ещё предстояло получить. Всё это я узнал постепенно. В первый день он просто выбрал вторую стену.

Я предложил оплатить. Он отказался, потом согласился на пищу. Мы ели на перевёрнутых ящиках. Я боялся спросить про семью: любое чужое благополучие казалось возможностью причинить себе лишнюю боль. Он сам рассказал, что сестра поступает в музыкальную школу и теперь в квартире всё время играет одна гамма.

- Бывает, по столу стучишь, чтоб прекратила, а потом думаешь: пусть играет.

Я молча кивнул.

Через неделю Дима принёс нам первый утюг - свой домашний, временно, пока доставляли профессиональную систему. Я вернул его с очищенной подошвой и длинным новым шнуром: старый искрил у вилки.

- Вот теперь за помощь расплатился, - сказал он.

Я хотел сказать, что всё ещё у него в долгу, но он уже понёс утюг вниз.

Оборудование я выбирал слишком дорогое. Хотел всё сразу: ровные столы, новые машины, хорошее освещение. Казалось, если помещение будет выглядеть богато, никто не заметит, кто им владеет. Спасла меня женщина, пришедшая продавать промышленный оверлок.

Она осмотрела комнату, спросила, где раскройный стол, и усмехнулась, услышав про стеклянную витрину.

- За стеклом работать будете?

- Это для клиентов.

- Клиентам нужен готовый заказ. Остальное они пережи-

вут.

Её звали Лида. Она закрывала свой маленький цех после развода: мужу досталась квартира, ей - оборудование с долгом. Лида умела считать ткань в уме и отличать плохую молнию по звуку.

Я предложил ей работу. Она спросила про зарплату, график, оформление. Потом:

- Вы раньше чем занимались?

Я рассказал.

Лида не отвела глаза и не выразила сочувствия.

- На людей здесь не орём, - сказала она. - Даже если очень нужно.

Так у моей мастерской появилось первое правило.

Глава 12

Название

Название мы придумали во время ремонта.

Лида хотела «Точный крой», я - что-нибудь солидное, желательно без прямого указания на иголку. Молодой электрик, сверливший стену, предложил «Бывшие люди». Он ничего обо мне не знал. Просто видел старые стулья, купленные мной по объявлению.

- Швей, - сказал Вася вечером.

- Это разве слово?

- Уже будет.

В цехе так называли человека за машиной, иногда насмешливо. Мне слышались в нём свист ремня и короткое движение ножниц. Мы заказали простые чёрные буквы.

За день до открытия выяснилось, что буква «Ш» отлита чуть темнее остальных. Я был готов отправить назад всю вывеску. Лида стояла в дверях с пыльной тряпкой и спросила, видно ли разницу с противоположной стороны улицы.

Мы перешли дорогу. Разница исчезла. Зато стало хорошо видно, что я оставил у входа мешки со строительным мусором.

- Иди убирай, - сказала она.

Мешки мы выносили вместе. Последний порвался, мел-

кая штукатурка рассыпалась по ступеням. Прохожие огибали нас, кто-то выразил недовольство. Я снова начал спешить, закашлялся от пыли, выругался на веник, который плохо мёл.

Лида забрала его из моих рук.

- Завтра начнут приносить вещи. У каждой будет своя история и пять причин, почему нужно вчера. Если ты из-за мешка так заводишься, как будем работать?

Я присел на ступень. Было холодно, плитка тянула через джинсы.

- Я просто хочу нормально.

- Тогда придётся долго. Нормально быстро не бывает каждый раз.

Она домела, отнесла мусор. Я сидел и смотрел на чистое место возле двери. Вдруг стало смешно: шесть лет я представлял свободу, и вот она - можно встать и уйти, можно купить новый веник, можно попросить человека остаться. А я трачу её на требование, чтобы маленькая фирма по изготовлению букв не ошиблась в оттенке.

Я встал и предложил Лиде кофе. Она ответила, что лучше купить чайник: каждый день пить навынос мы разоримся.

Мы закрыли мастерскую и пошли в ближайший хозяйственный магазин. По дороге она сказала, что завтра придёт на полчаса раньше. Я не спросил зачем.

В день открытия пришли три человека. Первый спросил, можно ли снять наличные с карты. Вторая хотела подшить

шторы. Третий принёс пакет с детскими штанами и долго объяснял, что мальчик у него худой, а вещи покупают навыворот.

Вторая неделя принесла первую настоящую жалобу. Женщина забрала платье, примерила дома и вернулась, обвиняя нас в том, что оно стало короче, хотя просила убрать только ширину.

По карточке всё сходилось. Я достал записи, показал мерки, сказал, что длину никто не трогал. Она повторяла одно и то же, всё громче, и я начал отвечать ровным официальным голосом. Тем самым, которым когда-то убеждал людей, что проблема существует исключительно в их голове.

Лида вышла из-за машины, попросила примерить платье здесь. Женщина резко отказалась. Потом согласилась.

Она вышла из примерочной, натягивая подол. Платье было действительно коротким. По подкладке я увидел, что мы не укорачивали ни сантиметра. Причина выяснилась позже: вещь осела выше на талии после изменения объёма, и низ поднялся. Формально я был прав, по результату - нет.

Лида опустилась перед женщиной на колени и наметила мелом возможное решение. Нужно было ослабить часть швов и иначе распределить посадку. Женщина замолчала, устало посмотрела в зеркало.

- Я на юбилей собиралась, - сказала она. - У меня больше нет такого.

Мы закончили к вечеру. Я не взял дополнительную опла-

ту. Хотел сказать, что в порядке исключения, но Лида посмотрела так, что я просто извинился за неудобство.

После закрытия мы внесли в карточку заказа ещё один пункт: контрольная примерка в обуви, с которой вещь будут носить. Я предложил прописать, что клиент предупреждён о возможном изменении визуальной длины. Лида ответила:

- Сначала научимся предупреждать словами.

Она не любила бумагу, прикрывающую невыполненную работу. Я только начинал отличать её от бумаги, которая помогает работу сделать.

Через месяц я уже разбирался в чужих молниях, но всё ещё не знал, из чего платить за аренду.

Лида вела тетрадь заказов. Она не доверяла программе, которую я поставил на компьютер.

- Программа не видит, что женщина плакала, когда сдавала платье, - говорила она. - А я помечу: позвонить осторожно.

Однажды пришёл мужчина с длинным серым пальто. Оно было ему велико на два размера. Мужчина попросил сделать так, чтобы никто не заметил переделки.

Мы сняли мерки. Я увидел на запястье белую полосу от часов и узнал Антона Гринёва.

Он тоже узнал меня, но не показал этого при Лиде.

- Отцовское, - сказал он. - Жалко.

- Сильно придётся менять.

- Делай, как нужно.

Когда он ушёл, я минут десять не мог приступить. Мне казалось, что он пришёл проверить, способен ли я на что-нибудь полезное. Потом я увидел у внутреннего кармана старую записку: «Тоне, не забудь хлеб». И понял, что передо мной просто чужое пальто.

Антон забрал пальто через неделю. Примерил, повернулся к зеркалу.

- Садится, - сказал он. У выхода задержался: - Ты знаешь, что оба мальчика у ёлки выжили?

- Знаю.

Он кивнул и заплатил без скидки. Я смотрел, как он спускается по ступеням, и не чувствовал к нему прежней злости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.